

ПРЕДѢЛЫ ВѢРОТЕРПИМОСТИ *).

Въ журналѣ „Недѣля“, въ нѣсколькихъ номерахъ (19, 20, 21, 22) помѣщена статья М. О. М. подъ заглавіемъ: „Право вѣровать“. Въ этой статьѣ доказывается мысль, что давно пора въ Россіи установить такіе-же законы вѣротерпимости, какіе существуютъ въ Западной

*) Статья эта написана была вскорѣ по напечатаніи въ журналѣ „Недѣля“ статьи— „Право вѣровать“ („Недѣля“ 1896 г. №№ 19—22), противъ которой она и направлена, но по обстоятельствамъ авторъ послалъ для печати только одну III главу этой статьи въ „Миссіонерское Обозрѣніе“; эта глава выбрана была тогда по запросамъ

Таврическаго края, гдѣ авторъ въ то время былъ ректоромъ духовной семинаріи. III глава была помѣщена въ іюньской книжкѣ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ подъ заглавіемъ: „Открытое письмо недоумѣвающимъ, почему штундо-баптизмъ признается особо вредною сектою и послѣдователямъ его воспрещены Правительствомъ богослужебно-проповѣдническія собранія“ (стр. 455—474). Въ виду особеннаго интереса, который имѣетъ дебатиремый авторомъ вопросъ, мы даемъ теперь на страницахъ нашего журнала мѣсто главамъ I, II и IV этой статьи, отсылая желающихъ ознакомиться съ III главой къ іюньской книжкѣ „Мис. Обозр.“ за 1897 г. *Ред.*

Европѣ, т. е. позволить существовать и распространяться всякому вѣроученію, если только оно не вредитъ прямо интересамъ государства. Авторъ называетъ совершенно устарѣвшими общегосударственные законы а) воспрещающіе измѣнять православію, б) воспрещающіе пропаганду иновѣрныхъ ученій, в) воспрещающіе общественное Богослуженіе нѣкоторымъ сектантамъ, напр. штундистамъ и г) постановленія Правительства и постановленія мѣстной гражданской и духовной администраціи касательно обязательнаго (подневольнаго) исполненія религиозныхъ обязанностей.

Подобныя мнѣнія нерѣдко приходится слышать и неудивительно если авторъ (хотя несомнѣнно преувеличивая), чтобы дать имъ болѣе вѣсу, говорить, будто ихъ держится большинство интеллигентныхъ русскихъ людей.

Поэтому постараемся указать основанія для существованія осуждаемыхъ авторомъ законовъ и постановленій.

I.

Почему въ Россіи существуетъ законъ, воспрещающій измѣнять православію?

Отвѣчаемъ на этотъ вопросъ: главнѣе всего по непоколебимой увѣренности Правительства въ истинности православія.

Скажутъ: но подобнымъ образомъ каждое Правительство можетъ быть увѣрено въ истинности исповѣдуемой имъ религіи.

Отвѣчаемъ.—Отдѣльныя лица въ Правительствѣ инославныхъ странъ могутъ быть увѣрены, но непрерывной и непоколебимой увѣренности во всѣхъ членахъ Правительства инославныхъ державъ не можетъ

быть такой увѣренности—ибо заблужденія католичества и протестантства рѣзки и явны могутъ быть для людей не воспитанныхъ въ школахъ, особой системой закрывающихъ явность этихъ заблужденій. Истина православія сіяетъ, какъ солнце, потому что православіе есть исповѣданіе христіанской вѣры, неизмѣнно существующее на Востокѣ отъ апостольскихъ временъ. Католичество-же измыслило новые догматы и съ ними отдѣлилось отъ Восточной Церкви въ 11 вѣкѣ, а протестантство провозгласило свои особенные принципы только въ 16 вѣкѣ.

Теперь— слѣдуетъ-ли дѣйствительно изъ глубокой увѣренности нашего Правительства въ истинности православія необходимость закона воспреещающаго измѣнять православію? Отвѣчаемъ: слѣдуетъ. Если Правительство глубоко убѣждено, что могущественная Россія Промысломъ Божиимъ избрана быть главною хранительницею православія до предѣла времени неизвѣстнаго намъ, то можетъ-ли наше Правительство равнодушно относиться къ измѣнѣ православію со стороны русскихъ людей? Если мы убѣждены, что измѣна православію есть уклоненіе въ заблужденіе, есть уклоненіе отъ единой истинной Церкви, то можно-ли равнодушно смотрѣть на измѣнниковъ православію? Какъ идущаго на явную опасность, напр. желающаго наложить на себя руки, надо силою останавливать, такъ надо удержать силою и идущаго на явную духовную смерть, ибо измѣна истинѣ вѣры должна вести къ духовной смерти.

Скажутъ: но развѣ можно насиловать убѣжденія человѣка?—Убѣжденіе въ человѣкѣ есть нѣчто независимое даже отъ него самого, ибо что представляется невольно ему истиннымъ, въ то онъ и вѣритъ. Отвѣчаемъ: такого насилія никто и не допускаетъ. Насильно перемѣнить мысли никто и не пытается. Законъ воспрещаетъ формальную измѣну православію. Черезъ это онъ остерегаетъ человѣка, становящагося на погибельный путь измѣны православію. Онъ ему говоритъ какъ бы такъ: „смотри, русскій народъ изстари исповѣдывалъ православную вѣру, исповѣдуютъ ее и цари русскіе и все Правительство, не посмѣшно-ли сдѣлалъ ты заключеніе о неистинности сей вѣры? Погоди выходить на внѣшнюю борьбу съ. Смирись настолько духовно, чтобы разумъ свой не ставить выше разумѣнія всего народа и Пра-

вительства". Требованіе небольшое — только числиться по крайней мѣрѣ православнымъ. Но это требованіе удерживаетъ все-таки человека отъ многого: онъ не подаетъ соблазна и другимъ своимъ переводомъ въ инославное исповѣданіе и волей-неволей находится подъ большимъ воздѣйствіемъ православнаго общества, а это воздѣйствіе можетъ быть благотворно. А главное, мы вѣримъ, что благодать Божія болѣе можетъ охранить его, чѣмъ когда онъ уклонился-бы въ инославіе. Но иной скажетъ: „я вѣрю въ благодать присущую католической церкви и желаю отъ нея принимать таинство“. Отвѣствуемъ: такихъ любителей католичества, по милости Божіей, немного. Это и понятно при соображеніи того, что католичество не слишкомъ разнится отъ православія, и разности его не могутъ внушать особыхъ симпатій (напр. ученіе о главенствѣ папы, догматъ Filioque, приобщеніе мірянъ подъ однимъ видомъ). Симпатизируютъ католичеству по большей части люди изъ высшаго круга, которые имѣютъ даже возможность, не соблазня никого, удалиться за границу для принятія католичества (чему и есть примѣры, хотя рѣдкіе). Другой скажетъ: „я вѣрю въ истинность протестантской церкви и желалъ-бы отъ нея принимать таинства“. И таковыхъ пожалуй нашлось бы болѣе, потому что протестантство прельщаетъ кажущейся своей духовностью (вопреки существованію многихъ обрядовъ въ Православной Церкви, что представляется поверхностному взгляду пустой вышностію). Но и таковыхъ людей свобода мало страдаетъ. Отличіе протестантства заключается въ отрицаніи іерархіи и таинствъ, кромѣ двухъ: причащенія и крещенія. Такимъ образомъ держащійся протестантскихъ убѣжденій, при вышней приважденности къ православію, можетъ быть спокойнымъ, поучаясь изъ протестантскихъ книгъ вмѣсто пастырскаго руководства (ибо особой благодати за своими пасторами протестанты все равно не признаютъ), таинство крещенія имѣя уже отъ первыхъ дней жизни (оно безразлично признается дѣйствительнымъ во всѣхъ европейскихъ христіанскихъ исповѣданіяхъ). Лишены они одного таинства причащенія лютеранскаго, но это таинство въ протестантствѣ по существу не имѣетъ столь сильнаго значенія таинства, какъ у насъ. Совершается тамъ оно лицомъ, не имѣющимъ особой благодати, пре-

существованія хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Господа тамъ не допускается, допускается только духовное присутствіе Господа „съ хлѣбомъ, подъ хлѣбомъ, въ хлѣбѣ“ и то подъ условіемъ вѣры. Меньшій ревнитель при этомъ условіи можетъ успокоиться, обходясь и безъ сего таинства, а большій ревнитель, конечно, можетъ, не взирая ни на что, или тайно присоединиться къ протестантскому обществу, или ѣхать за границу. Скажутъ: „но вотъ и страдаетъ человѣкъ за вѣру свою: подвергается опасности въ случаѣ тайнаго присоединенія къ лютеранству преслѣдованія со стороны Правительства, а въ случаѣ побѣга за границу всякаго рода матеріальныхъ неудобствъ“. Отвѣчаемъ: все это можетъ быть при великой ревности о вѣрѣ. Но вотъ Правительство своимъ стѣснительнымъ закономъ какъ-бы напоминаетъ человѣку: „ты имѣешь великую ревность о вѣрѣ, готовъ претерпѣть за нее даже лишенія, изгнаніе. Но пробовалъ-ли ты эту ревность употребить прежде на точнѣйшее изученіе православія, усердно-ли бесѣдовалъ съ пастырями Церкви, читалъ-ли книжки о святыхъ православныхъ и чудесахъ отъ нихъ, наконецъ, пытался-ли съ великимъ усердіемъ приступать къ таинствамъ Православной Церкви, или прибѣгалъ-ли къ какимъ-либо православнымъ святынямъ съ усердной молитвой о вразумленіи? Помедли уходить въ инославіе, испытай прежде эти средства“. И мы горячо вѣримъ, что если-бы все это было испытано, то ревнитель о вѣрѣ не подумалъ-бы о какомъ-либо инославіи. Въ это горячо вѣрило и вѣрять и Правительство, издавшее ограничительный законъ.

Въ томъ-то и дѣло, что люди инославными исповѣданіями просто увлекаются. Ихъ сбиваетъ ктонибудь съ истиннаго пути, и вотъ они, не употребивъ силъ къ достойному пріятію благодати, присущей Православной Церкви, ищутъ благодати инуду. Бываетъ, что они искренно ищутъ ее, но заблудились, встали не на тотъ путь. Вотъ Правительство своимъ ограничительнымъ закономъ и уменьшаетъ возможность подобныхъ уклоненій.

Разсмотримъ вопросъ съ отрицательной стороны, т. е. размыслимъ: что было-бы въ Россіи, если бы не существовало такого ограничительнаго закона?

Извѣстно намъ, сколько умственныхъ броженій замѣтно въ современномъ русскомъ обществѣ. Потребность жить религіозною жизнью, жизнью высшихъ духовныхъ интересовъ не заглушишь въ человѣкѣ. Только очень часто, благодаря разнымъ обстоятельствамъ, человѣкъ, слѣдуя этой потребности, становится на ложный путь. Укажемъ примѣръ. Въ царствованіе Императора Александра Павловича весьма многіе въ высшемъ обществѣ увлекались разными мистическими ученіями, проповѣдники коихъ являлись къ намъ съ запада. Въ чемъ заключалась причина этого явленія? Въ основѣ его несомнѣнно лежала потребность религіозной жизни. Отчего-же не на истинный путь вступили люди съ этою потребностію? Причины можно здѣсь указать такія. Было въ высшемъ обществѣ общее преклоненіе предъ западомъ, предъ его интеллектуальною жизнью. И вотъ, когда явились въ С.-Петербургѣ краснорѣчивые и восторженные (иногда напускнымъ образомъ) проповѣдники мистическихъ ученій запада, ихъ рѣчи и молитвословія показались малосвѣдущимъ въ дѣлѣ религіи петербуржцамъ высшими, чѣмъ мирная и тихая дѣятельность нашихъ православныхъ пастырей. Самолюбіе и тщеславіе человѣческое довершали дѣло. Православіе требовало смиреннаго подвига ради Бога, а мистицизмъ обѣщалъ сразу духовное совершенство и обильную явно ощутимую благодать Духа Святаго. Отъ чего съ первыхъ вѣковъ христіанства православные подвижники предостерегали какъ отъ прелести, способной увлечь тщеславныхъ людей, то мистицизмъ представлялъ какъ дѣйствительную благодать Божію. Извѣстно, что на самого Императора вліяли мистическія ученія: но Господь соблюдалъ Свою Церковь, и истинные представители православія разъяснили Государю гибельную ошибку мистицизма и подвигли его принять мѣры противъ пропаганды мистицизма. И вотъ, когда Правительство явно высказалось противъ сихъ вредныхъ ученій, развѣ мало русскихъ людей было остережено отъ уклоненія въ нихъ? А что было-бы, если бы дать имъ въ Петербургѣ и въ Россіи полную свободу? Очень многіе бы уклонились въ нихъ, воспитали бы въ нихъ свои семейства, и среди аристократіи были-бы теперь цѣлыя семейства и роды, еще дѣды и прадѣды которыхъ приняли мистическое ученіе. А теперь, по милости

Божіей, и благодаря мудрымъ законамъ нашего отечества этого нѣтъ. Примѣръ этотъ показываетъ, что многіе русскіе люди могутъ увлечься лжеученіями благодаря своему религіозному маловѣдѣнію.

Среди Россіи живетъ весьма много католиковъ и протестантовъ, они открыто совершаютъ свое богослуженіе часто въ прекрасно устроенныхъ костелахъ и киркахъ. Не будь ограничительнаго закона въ Россіи пожалуй иные, или даже многіе бы изъ малосвѣдущихъ въ дѣлѣ вѣры и досужихъ для поверхностныхъ разсужденій о вѣрѣ русскихъ людей возымѣли бы желаніе перейти въ католичество или протестантство. Фантазіямъ досужихъ людей вѣдь нѣтъ предѣла. Иногда бы при этомъ увлекла большая церемоніальность католическаго богослуженія, другого, наоборотъ, большая простота протестантскаго, или отрицаніе протестантами постовъ. И вотъ въ сущности хорошіе люди, сдѣлавшись жертвою своей малосвѣдущности въ дѣлѣ вѣры оставили бы отечественную вѣру и стали бы въ иной вѣрѣ воспитывать своихъ дѣтей. Примѣръ однихъ былъ-бы заразителемъ для другихъ. Покуда мы не говоримъ о возможности при отсутствіи ограничительнаго закона прямой пропаганды католичества или протестантства. Объ этомъ рѣчь будетъ ниже. Пусть эта пропаганда отсутствовала бы, пусть только, наблюдая со стороны инославныхъ исповѣданій, могли бы русскіе люди по своему желанію принимать ихъ. Думается, что въ такомъ случаѣ сравнительно небольшая кучка людей, измѣнила бы православію. Но развѣ и малаго количества не должны жалѣть наши Церковь и государство? Какъ радость бываетъ на небесахъ о единомъ грѣшникѣ кающемся, такъ несомнѣнно должна быть скорбь на небѣхъ и на землѣ даже объ одномъ отторгающемся отъ истины человѣкѣ. Мы утверждаемъ, что только люди малосвѣдущіе въ дѣлѣ вѣры и немощные духомъ измѣнили бы православію, но таковыхъ-то и должно оберегать, какъ младенцевъ въ вѣрѣ. И государство оберегаетъ ихъ своимъ ограничительнымъ закономъ. Скажутъ: „ихъ должна оберегать Церковь. Пастыри должны просвѣщать ихъ“. Но развѣ Церковь существуетъ внѣ государства? Развѣ законы государства не должны направляться ко благу Церкви? Отчего къ духовнымъ мѣрамъ Церкви не присоединить мѣру правительственную, которая, какъ

мы уже видѣли, не представляетъ какой-либо опасности? Но можетъ быть, не достаточно-ли однихъ духовныхъ мѣръ?—Отвѣчаемъ: нѣтъ, недостаточно. Должно предположить или всюду знаменитыхъ пастырей, которые бы могли привлекать народъ своими поученіями, или опять насиліемъ привлекать народъ въ Церковь къ проповѣди, чтобы одна проповѣдь оградила всѣхъ православныхъ отъ уклоненія въ иновѣріе. Конечно, усиленія проповѣди надобно желать. Но какъ во времена великихъ святителей—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго далеко не излишни были дѣйствія Правительства въ защиту православія, такъ тѣмъ болѣе теперь, когда никто съ этими святителями сравняться не можетъ въ дѣлѣ защиты истины словомъ.

Пойдемъ далѣе: вѣдь если давать свободу каждому жить вполне по своимъ убѣжденіямъ и при семъ измѣнять православію, то надо допустить, чтобы люди атеистическихъ убѣжденій открыто исповѣдывали ихъ и оставили бы исполненіе всѣхъ религіозныхъ обрядовъ. Но отсюда чтобы вышло? Родители съ атеистическими убѣжденіями перестали бы крестить своихъ дѣтей, воспитатели съ такими убѣжденіями перестали бы, на соблазнъ питомцамъ, посѣщать храмы Божіи, изображать на себѣ крестное знаменіе во время классной молитвы и т. п. (Конечно, прискорбно если есть воспитатели съ такими убѣжденіями. Но къ сожалѣнію примѣры бывали). Чтобы изъ всего этого вышло? Извѣстно намъ, какъ широко атеистическія заблужденія распространились въ шестидесятыхъ годахъ, что многіе не оставили ихъ и теперь. Что увлекаетъ людей къ симъ заблужденіямъ? Опять въ основѣ конечно, лежитъ присущее человѣку стремленіе жить духовными интересами, выработать себѣ міросозерцаніе. Но отчего же люди такъ далеко ушли отъ истины при семъ стремленіи? Опять и здѣсь виною преклоненіе предъ западомъ и невѣдѣніе своей вѣры. Затѣмъ, вся грѣховность естества человѣческаго благопріятствуетъ уклоненію его въ невѣріе... *Слово крестное*, говоритъ апостоль, *погибающимъ юродство есть*. Истина религіозная всего возвышеннѣе проявилась въ христіанствѣ; но христіанство есть религія самоотверженія и смиренія. Нашему плотоугодію и нашей гордынѣ не нравится такой характеръ христіанской религіи. И вотъ, если кто хочетъ противиться

плотоугодію, а главное смирить гордыню, для того христіанское ученіе является премудростію и силою. А кто хочет жить съ плотоугодіемъ, все счастье свое полагаетъ въ земныхъ благахъ, кто не хочет смирить свою гордыню, для того христіанское ученіе представляется юродствомъ. Западная наука, ложно понятая, надмила многихъ на западѣ, а за ними и многихъ у насъ. Забота только о земномъ вѣкѣ очерстила сердца въ плотоугодіи. Люди при этихъ условіяхъ стали на путь погибели, отказавшись отъ вѣры въ Бога. Что же, дать имъ возможность являть предъ всѣми такыя свои недостатки, дать имъ возможность открыто выступать за ограду православія? Нѣтъ. Это бы значило опять отказаться отъ всякой помощи этимъ людямъ. Хотя и крайне противенъ нашему чувству ихъ складъ душевный, но вѣдь часто все ихъ невѣріе произошло отъ немощи духовной, отъ увлеченія чужимъ примѣромъ, отъ обольщенія призраками мнимой науки. Кто знаетъ, можетъ быть теперь, когда они по неволѣ присутствуютъ въ Церкви въ высокаторжественный день, изъ приличія принимаютъ приходскаго священника съ святою водою въ праздникъ, можетъ быть благодать Божія коснется ихъ сердца? И что жестокаго дѣлаетъ Правительство, если поставляетъ ихъ въ необходимость бывать иногда въ Церкви и изъ приличія участвовать въ нѣкоторыхъ священныхъ обрядахъ? Мы глубоко вѣримъ, что доколѣ они хотя сколько нибудь соприкасаются съ церковною жизнью, благодать Божія, вѣющая повсюду въ Церкви, сообщается и ихъ духу и охраняетъ ихъ отъ горшаго уклоненія на путь погибели. Что было-бы, если бы они предоставлены были самимъ себѣ, не ощущали бы вовсе животворнаго вліянія духа вѣры нашей, который болѣе всего выражается въ церковномъ Богослуженіи? А сколько соблазнительнъ былъ-бы ихъ примѣръ для многихъ людей, мало свѣдущихъ въ дѣлѣ вѣры, а въ особенности для юныхъ. Неужели-же православное государство не должно принять мѣры для охраненія сихъ младенцевъ по вѣрѣ отъ соблазна? И сколь гуманныя мѣры оно употребляетъ! Сколь мало требуетъ отъ уклонившихся въ вольномысліе! Если поучимся изъ примѣра дружественной намъ, но увы, многострадающей недугомъ вольномыслія, страны пагубности отсутствія закона,

воспрещающаго измѣнять государственной религіи. Какими нелѣпыми фантазіями не увлекаются французы и сколь прискорбно, что эти нелѣпыя увлеченія открыто тамъ существуютъ! Тамъ открыто существуетъ буддѣйскій культъ. Образованные люди конца XIX вѣка, принадлежащіе къ передовому европейскому народу, оставивъ Христову религію, открыто чтутъ индѣйскаго мудреца, какъ будто хотя бы европейская философія не сказала ничего вышшаго! Или еще прискорбнѣйшій фактъ: недавно въ Парижѣ образовалось общество возстановителей древняго греко-римскаго язычества, ради того, что въ этой религіи боготворятся страсти и земныя удовольствія, въ противоположность христіанскому ученію о необходимости труда и подвига для царствія Божія. Что именно этого ради оставляется христіанская религія и исповѣдуется язычество—это открыто выражается даже въ уличныхъ прокламаціяхъ! Не явный-ли это протестъ чловѣческаго безумія погибающихъ противъ Креста Христова? Не желать-ли подобныхъ явленій и въ Россіи? Не допустить-ли, чтобы подобный соблазнъ существовалъ и у насъ! Нѣтъ, у насъ невозможны такія явленія открытаго существованія подобныхъ нелѣпыхъ культовъ благодаря правительственному закону, воспрещающему измѣнять православію. Развѣ не благихъ результатовъ достигаетъ законъ въ этомъ случаѣ?

Архимандритъ Порфирій.